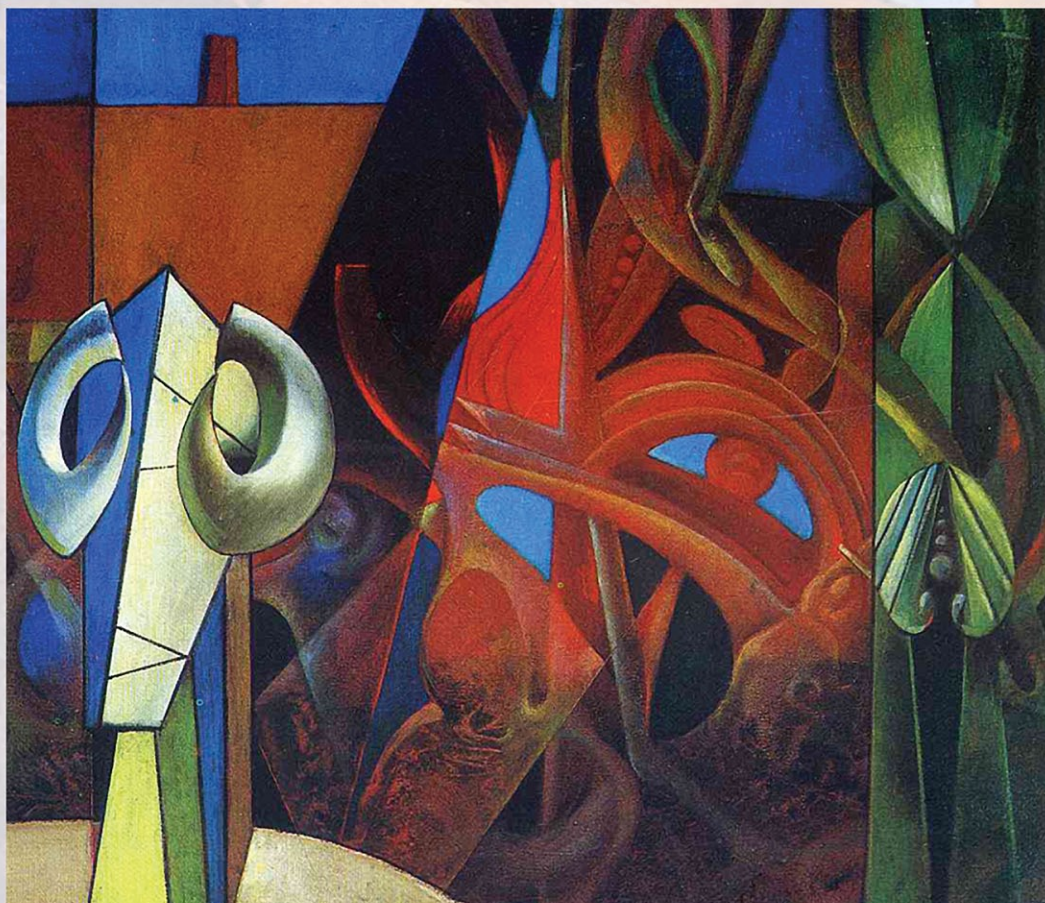

Д. О. Добровольский

БЕСЕДЫ

О НЕМЕЦКОМ СЛОВЕ

УДК - 811.112.2
ББК - 81.2Нем-3
Д 56

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 13-04-16003

Рекомендовано к печати Ученым советом Института русского языка РАН
и Ученым советом Института языкознания РАН

Рецензенты:
профессор, доктор филологических наук *А. Д. Шмелев*,
кандидат филологических наук *Н. С. Бабенко*

Д 56 **Добровольский Д. О.**
Беседы о немецком слове. — М.: Языки славянской культуры, 2013. —
752 с. — (Studia Philologica).

ISBN 978-5-9551-0684-7

В книге рассматриваются основные проблемы немецкой лексики и фразеологии. В качестве теоретической основы используются положения современной лингвистической семантики, теоретической лексикографии и теории перевода. Кроме того, поднимается ряд новых вопросов, ответы на которые стали возможны только на современном этапе развития науки о языке. Основная цель этой книги – показать на самых разнообразных примерах, чем лексическая система немецкого языка отличается от русской лексической системы. Многие слова и фразеологизмы, которые принято считать полными эквивалентами (и именно так они представляются большинством известных немецко-русских и русско-немецких словарей), далеко не во всех случаях могут функционировать в качестве переводных эквивалентов в тексте. Вскрытие и описание соответствующих семантических, прагматических и сочетаемостных различий – интересная и нетривиальная лингвистическая задача, решение которой имеет и определенное практическое значение. При анализе материала используются корпусы параллельных текстов.

Монография адресована как специалистам по немецкому языку, лексической семантике и лексикографии, так и студентам-филологам.

ББК - 81.2Нем-3

*В оформлении переплета использована картина Макса Эрнста
«Design in Nature» (1947)*

ISBN 978-5-9551-0684-7

©Добровольский Д. О., 2013
©Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	9
--------------------------	---

Глава 1

<i>Немного истории</i>	13
1.1. Гумбольдтианство	14
1.2. Неогумбольдтианство	18
1.3. Теория семантического поля в концепции Йоста Трира	25
1.4. К понятию семантического признака	27

Часть 1

Слово как единица лексической системы

Глава 2

<i>Слово в словаре (лексикографическое описание и системные связи)</i> ...	35
2.1. Двухязычная немецко-русская лексикография: тенденции развития	35
2.2. Представление многозначности в немецко-русском словаре	59
2.3. Zur Darstellung der Polysemie in einem deutsch-russischen Wörterbuch.	73
2.4. Reguläre Polysemie und verwandte Erscheinungen	87
2.5. Регулярная многозначность и прагматика	109
2.6. Synonymie aus kontrastiver Sicht	112
2.7. К сопоставительному анализу немецких синонимов и их русских квазиэквивалентов	124
2.8. Zur Quasisynonymie deutscher Quantifizierer.	134
2.9. Fokuspartikeln: zur Quasisynonymie und Quasiäquivalenz	146

Глава 3

<i>Слово в корпусе (корпусы параллельных текстов как инструмент исследования лексической семантики)</i>	162
3.1. Зачем нужен параллельный корпус?	162
3.2. Parallele Textkorpora als linguistische Ressource neuer Art	166

3.3. Корпус параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка	171
3.4. Textkorpora mit Deutsch und Russisch in der Analyse empirischer Daten.	189
3.5. Корпусный анализ и динамика языковых изменений	218
3.6. Semantische Felder und Frames im Parallelkorpus	231
3.7. Лингвоспецифичная лексика в параллельном корпусе	237
3.8. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики (о характере межъязыковых параллелей в сфере лексики с вокативным потенциалом)	250

Глава 4

<i>Слово в переводе (к вопросу о межъязыковой эквивалентности)</i>	274
4.1. Теория перевода: задачи и общие положения	274
4.2. О типах и модусах перевода	291
4.3. О непереводаемом в переводе	295
4.4. Нестандартное словоупотребление в немецких переводах прозы Пушкина.	318
4.5. Zur Phraseologie in Puškins Prosa: translatorische Aspekte.	329
4.6. Idiome und Übersetzung literarischer Texte (am Material von Dostoevskijs Romanen).	352

Часть 2

Лексические структуры больше слова

Глава 5

<i>Конструкции немецкого языка</i>	363
5.1. Конструкции и Грамматика конструкций.	365
5.2. Немецкие конструкции с глаголами движения	371
5.3. Deutsche Konstruktionen mit Verben der Fortbewegung: lexikographische Aspekte	379
5.4. Temporale Konstruktionen des Typs <i>vor Wochen</i> aus kontrastiver Perspektive.	383
5.5. Немецкие конструкции с обстоятельственно-временным значением в сопоставительном аспекте	398
5.6. Konstruktionsgrammatik und Phraseologie.	403
5.7. Грамматика конструкций и фразеология	416
5.8. Zur deutschen <i>vor sich hin</i> -Konstruktion	420
5.9. О немецкой конструкции <i>vor sich hin</i>	427
5.10. Zwei deutsche Phrasem-Konstruktionen mit ihren russischen Äquivalenten	437

Глава 6

Фразеология: структура и семантика	444
6.1. Семантическая членимость как фактор вариативности идиомы . .	444
6.2. Zur semantischen Teilbarkeit der Idiomstruktur	460
6.3. Zur Typologie der Idiom-Modifikationen	479
6.4. Syntaktische Transformationen der Idiomstruktur: Bedingungen für die Idiom-Passivierung	499

Глава 7

Немецкая фразеология в сопоставлении с русской	528
7.1. Сопоставительная фразеология: общие соображения	528
7.2. Типы межъязыковой эквивалентности в традиции сопоставительных исследований.	529
7.3. Фразеологизмы в переводе и в системе языка	536
7.4. Idiome in der Übersetzung und im Sprachsystem	548
7.5. Zwischensprachliche Äquivalenz in der Phraseologie: semantische und kombinatorische Aspekte.	557
7.6. Faktoren der Übersetzbarkeit von Idiomen	567

Глава 8

Фразеология в словаре	571
8.1. О способах представления фразеологии в словарях разных типов . .	571
8.2. Двухязычная корпусная фразеография: о новом немецко-русском словаре	574
8.3. Phraseologische Wörterbücher Deutsch-Russisch und Russisch-Deutsch: Rückblick.	604
8.4. Phraseologie in einem einsprachigen Wörterbuch: Semantik und Kombinatorik.	614
8.5. Phraseologie in einem zweisprachigen Wörterbuch: Zu Prinzipien der Auswahl und Darstellung	634
8.6. Abschließende Bemerkungen	669
Библиография	671
Именной указатель	711
Предметный указатель	718
Указатель языковых форм	734

Глава 3

Слово в корпусе (корпусы параллельных текстов как инструмент исследования лексической семантики)

Цель данной главы — попытаться ответить на вопрос, насколько корпусы параллельных текстов могут оказаться полезным инструментом в исследовании лексической семантики сопоставляемых языков (в нашем случае — немецкого и русского), а значит, и способствовать усовершенствованию двуязычных словарей, помогать в преподавании иностранных языков и внести вклад в расширение эмпирической базы теории перевода. Естественно, что вопросы, рассматриваемые в этой главе, пересекаются с проблемами, обсуждаемыми в предыдущей и последующей главах. С одной стороны, материал параллельных корпусов провоцирует вопросы переводимости тех или иных языковых явлений, предпочтительных стратегий перевода, наличия / отсутствия у единиц языка источника стандартных соответствий в языке цели, а с другой — вопросы лексикографического представления¹ межъязыковых лексических коррелятов, особенно если подобные соответствия не являются эквивалентами в точном смысле.

3.1. Зачем нужен параллельный корпус?

Создание и использование параллельных корпусов представляется целесообразным как с практической точки зрения, так и с точки зрения развития корпусной лингвистики — одного из наиболее перспективных лингвистических направлений. С помощью параллельных корпусов могут быть также получены интересные результаты в области теоретического языкознания, так как опора на принципиально сопоставимые аутентичные тексты разных языков позволяет выявить часто неожиданные (как квазиуниверсальные, так и специфические) особенности функционирования языковой системы. Корпус параллельных текстов может быть эффективно использован в

¹ Вопросы использования корпусных данных в — прежде всего, одноязычной — лексикографии обсуждаются в [Atkins, Fillmore, Johnson 2003].

различных лингвистических исследованиях (в первую очередь, в области контрастивной лексикологии и двуязычной лексикографии), а также в исследованиях по теории перевода, сравнительному литературоведению, культурологии, автоматической обработке текста и др. В данной главе нас будут в первую очередь интересовать собственно лингвистические аспекты использования русско-немецких и немецко-русских параллельных корпусов.

Современное состояние сравнительной лексикологии и двуязычной лексикографии характеризуется ориентацией на сопоставление более или менее изолированных языковых структур. Отрицательным последствием подобной ориентации является недостаточный учет узуса, то есть тех особенностей синтаксического и сочетаемостного поведения единиц языка, которые нельзя объяснить их системными признаками. Так, в принципе известно, что та или иная структура одного языка не может быть во всех контекстах переведена на другой с помощью своего стандартного эквивалента. В определенных контекстах язык L2 традиционно прибегает к другим способам описания соответствующей ситуации. Известно также, что не существует продуктивных правил, по которым можно было бы вывести подобные отклонения от «стандартной эквивалентности» из неких более общих принципов. Единственный способ описания подобных отклонений — это их тщательная фиксация на аутентичном материале. Только так можно построить исчерпывающие сопоставительные описания и создать словари, удовлетворяющие современным требованиям.

Корпус параллельных текстов представляет собой наиболее адекватный инструмент для выполнения этих задач. Та или иная языковая структура, интересующая исследователя, может быть найдена во всех представленных в корпусе контекстах с их переводами на соответствующий язык. Таким образом, исследователь получает в свое распоряжение набор аутентичных контекстов, представляющих интересующую его структуру в ее естественном окружении, а также самые разнообразные эквиваленты этой структуры в языке цели. Поскольку эти эквиваленты также оказываются встроенными в естественные контексты, на основе полученных с помощью параллельного корпуса материалов могут быть сделаны выводы о зависимости выбора эквивалента от типа контекста. Подобные результаты практически всегда расходятся с теми сведениями, которые мы можем почерпнуть из существующих словарей, являясь тем самым нетривиальными.

Важным параметром, по которому языки могут различаться между собой, является степень употребительности определенных выражений. Так, некоторое выражение *A* языка L1 может стандартным образом переводиться на язык L2 с помощью выражения *B* — вполне корректного с точки зрения норм этого языка. Таким образом, выражения *A* и *B* оказываются эквивалентными в рамках системы соответствующих языков. Тем не менее, их функциональная эквивалентность часто представляется неполной. В частности, это имеет место в случае, когда одно из выражений оказывается в

своим языке существенно более употребительным, чем его переводной эквивалент — в своем. Такие случаи хорошо прослеживаются при сопоставлении оригинальных текстов с их переводами на другие языки. О. Б. Йокояма замечает по этому поводу: «Со становлением корпусной лингвистики в середине 90-х гг. появились (ранее не доступные) материалы и новые подходы к исследованию, например, сравнение статистических показателей определенных языковых признаков в исконных текстах с частотностью тех же признаков в переводных текстах» [Йокояма 2012: 152].

Исследование некоторого языкового явления на основе корпуса параллельных текстов может быть по ряду параметров противопоставлено исследованию этого явления на основе большого корпуса оригинальных текстов. Отличие оригинальных текстов от переводов заключается и в объеме (миллионы слов оригинальных текстов, производимых ежедневно, против относительно небольшого количества текстов, переводимых с иностранных языков), и в природе авторства (то есть в степени оригинальности и творческой свободы при порождении текста), а также в культурном контексте (переводные тексты обычно погружены в культуру исходного языка).

Все эти факторы обеспечивают различия между исходными и переводными текстами по целому ряду параметров. Между конкретными словами с близкими значениями в разных языках (которые принято считать эквивалентными) нет взаимно однозначных соответствий. В принципе это касается многих семантических классов слов. Каждое конкретное слово обладает своим уникальным набором сочетаемостных ограничений и предпочтений. Эта идея относится к числу традиционных теоретических положений лингвистики. То новое, что вносит обращение к корпусам параллельных текстов в решение подобных задач, — это возможность эмпирической проверки соответствующих гипотез на представительном материале.

Намеченные здесь пути и способы использования корпусов параллельных текстов для решения различных лингвистических задач не исчерпывают всех возможностей работы с подобными корпусами. При расширении эмпирической базы — в особенности, при включении в корпус различных переводов одного и того же оригинала, выполненных в разное время, или его переводов на различные языки — появится возможность ставить и другие вопросы, такие как границы свободы переводчика в выборе эквивалентов, статус различных переводческих стратегий в разные эпохи, ограничения, накладываемые типом языка и соответствующими культурно-семиотическими параметрами, и пр.

Приведем эскизный перечень основных — сопряженных со сферой лексической семантики — вопросов, при решении которых обращение к корпусам параллельных текстов представляется разумным.

1. Как ведут себя определенные выражения языка источника (L1) и их соответствия языка цели (L2) в аутентичных контекстах? Насколько системные характеристики этих выражений способны предсказать их поведение в

реальном дискурсе? Какие типы контекстов оказываются релевантными для выбора адекватного эквивалента в языке L2? Иными словами, если исследование корпусов показывает, что стандартные «словарные» L2-эквиваленты данной L1-структуры оказываются неприемлемыми в контекстах определенных типов, необходимо выявить релевантные свойства этих контекстов и соответствующим образом переформулировать условия эквивалентности. Более того, активное использование параллельных корпусов заставляет по-новому осмыслить само понятие межъязыковой эквивалентности².

2. Чем мотивированы различия в частоте употребления лексических единиц L2, квазиэквивалентных данному выражению L1? Зависят ли частотные предпочтения от индивидуальных особенностей текста, от типа дискурса или же за этим стоят различия в организации лексических систем L1 и L2? Частота употребления оказывается важным параметром сопоставления языков не только применительно к сопоставимым по семантике лексическим единицам, но и с точки зрения структуры текста, принятых в каждом конкретном языке способов его построения.

3. Для произведений, достаточно далеко отстоящих во времени, дополнительно встает вопрос о соотношении представленных в корпусе L1-структур (с их L2-переводами) и норм современного узуса. Насколько изменился узус? В чем причины подобных изменений? Существуют ли более или менее регулярные механизмы, управляющие языковыми изменениями? Если да, можно ли на основе этих данных предсказать дальнейшие изменения языковых норм? Являются ли соответствующие тенденции уникальными для каждого языка или в них просматриваются некоторые общие закономерности?

4. В каких случаях переводчики предлагают нестандартные решения? С чем это связано? Мотивированы ли отклонения от оригинала субъективными факторами или объективными межъязыковыми различиями между L1 и L2, накладывающими определенные ограничения на способы перевода исходных структур? Если одному и тому же месту оригинала в разных переводах соответствуют различные эквиваленты, встает вопрос о семантических отношениях между этими эквивалентами. Являются они в языке L2 квазисинонимами или же речь идет о различных интерпретациях L1-структуры? Если соответствующие выражения L2 квазисинонимичны, в чем состоят их семантические, прагматические и сочетаемостные различия? Если же речь идет о различных интерпретациях, чем мотивированы отклонения от соответствующих структур оригинала? При каких условиях они могут быть признаны допустимыми? Проблемы данного типа решаются особенно эффективно в случае, если параллельный корпус содержит более одного перевода одного и того же оригинального текста³.

² Отдельные вопросы межъязыковой эквивалентности с точки зрения корпусной лингвистики обсуждаются в [Váradi, Kiss 2001].

³ Ср. корпус параллельных текстов Австрийской академии наук (AAC-Austrian Academy Corpus), речь о котором пойдет ниже. В рамках НКРЯ такая задача тоже решается. В настоя-

5. Какие решения переводчики находят для тех L1-структур, которые не вписываются в современные нормы? Какими средствами языка L2 могут быть переданы особенности подобных структур? Естественно, ответы на такие вопросы могут быть получены только при использовании текстов, достаточно далеко отстоящих во времени. Ср., например, произведения русской классической литературы XIX века, представленные в русско-немецком модуле Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Подробнее о параллельных корпусах НКРЯ см. в разделе 3.3.

Из данного каталога вопросов видно, что использование корпусов параллельных текстов дает нетривиальные результаты для целого ряда филологических направлений. Среди них сопоставительная лексикология, двуязычная лексикография, лексическая семантика (в том числе, ее диахронные аспекты), а также теория перевода⁴.

Как уже было отмечено выше, возможности применения параллельных корпусов этим не исчерпываются. Корпусы, содержащие литературные произведения на языке оригинала и в переводе на другие языки, могут, в частности, использоваться для решения задач текстологии и критики перевода. Так, корпус параллельных текстов позволяет выявить переводческий брак и редакторский произвол. Во многих переводах имеется неоправданный пропуск значимых с содержательной и эстетической точек зрения фрагментов текста. Это относится и к английскому переводу «Капитанской дочки» Пушкина, и к переводу «Мертвых душ» Гоголя, в которых опущена «Повесть о капитане Копейкине», и к русскому переводу «Дракулы» или «Хижины дяди Тома». Параллельные тексты заставляют также задуматься о границах свободы переводчика в переводе названий произведений. Например, заглавие рассказа Чехова «На подводе» переведено на английский как «Schoolmistress»; рассказ «Холодная кровь» получил заглавие «The cattle-dealers», а пушкинская «Капитанская дочка» в английском переводе озаглавлена «Mary»⁵. К этой же области относятся и вопросы асимметрии членения текста; ср. [Гурина и др. 2005].

3.2. Parallele Textkorpora als linguistische Ressource neuer Art

Parallele Textkorpora⁶ stellen ein technologisches Produkt dar, das die Möglichkeiten der Linguistik vor allem im Bereich des Sprachvergleichs erweitert.

щий момент в процессе подготовки находится корпус по «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, где оригиналу сопоставлены два различных немецких перевода. Кроме того, некоторые произведения русской классической литературы представлены в переводах на несколько языков.

⁴ Для теории перевода полезными могут оказаться не только параллельные корпуса, но специально создаваемые для решения конкретных задач корпуса языка цели. О методике работы с такими корпусами см. [Bowker 2000].

⁵ Имеются в виду переводы, представленные в свободном доступе в составе Национального корпуса русского языка.

⁶ Neben *Korpus* — *Korpora* findet sich in der Fachliteratur auch die Schreibvariante *Corpus* — *Corpora*.

Im Idealfall sollten bei der Entwicklung paralleler Korpora ihre potentiellen Anwendungsarten berücksichtigt werden. In jedem Fall müssen die Linguisten (zumindest diejenigen, die in ihrer Arbeit Textkorpora aktiv benutzen) imstande sein, an die zur Verfügung stehenden parallelen Korpora sinnvolle Fragen zu stellen.

Einige Fragen dieser Art werden in diesem Abschnitt besprochen, und zwar handelt es sich hier um die Untersuchung der lexikalischen Semantik mittels der Kookkurrenzanalyse. Als empirische Basis dienen deutsch-russische und russisch-deutsche parallele Texte des Programms Russian National Corpus (RNC — НКРЯ) sowie das parallele Textkorpus zu F. M. Dostoevskijs Roman „Der Idiot“, das im Rahmen des Projekts AAC–Austrian Academy Corpus an der Österreichischen Akademie der Wissenschaften erstellt wurde⁷.

Zunächst gehe ich auf die Frage kurz ein, in welchen Bereichen der linguistischen Forschung die Hinwendung zu parallelen Korpora zweckmäßig ist und welche Fragen mit Hilfe paralleler Korpora grundsätzlich beantwortet werden können. Dann konzentriere ich mich auf den Bereich der lexikalischen Semantik, in dem sich die Analyse abspielt, deren Ergebnisse in den Abschnitten 3.4.2 und 3.4.3 vorgestellt werden. Ferner werden die Ziele der Analyse erläutert, Arbeits-hypothesen aufgestellt und die angewendeten Arbeitsverfahren kurz besprochen. Abschnitte 3.4.2 und 3.4.3 stellen zwei Fallstudien dar, in denen die hier vorgestellten Prinzipien der korpusbasierten Untersuchung der lexikalischen Semantik am empirischen Material verifiziert und präzisiert werden⁸.

3.2.1. Sinnvolle linguistische Fragen an das parallele Korpus. Es findet sich eine Reihe linguistischer, literaturwissenschaftlicher, kulturhistorischer und übersetzungskritischer Probleme, die mit Hilfe paralleler Textkorpora gelöst werden können. Uns interessieren hier nur linguistische Fragestellungen. Dabei spielen solche Parameter des betreffenden Korpus wie sein Umfang, die Entstehungszeit der im Korpus enthaltenen Texte (zeitliche Distanz zum heutigen Usus), die Anzahl der Übersetzungen des Originaltextes (d.h. die Frage, ob dem Originaltext eine oder mehrere Übersetzungen gegenübergestellt werden) eine wichtige Rolle. Zu den linguistischen Disziplinen, in denen parallele Korpora effektiv eingesetzt werden, zählen zumindest die folgenden Bereiche:

- Kontrastive Linguistik;
- Diachrone Studien zur Lexik und Grammatik;
- Übersetzungswissenschaft (genauer gesagt: ihre linguistisch relevanten Domänen, die oft als Translationslinguistik bezeichnet werden);
- Lexikalische Semantik;

⁷ Zu RNC- und AAC- Texten vgl. ausführlicher 3.3, 3.4, 4.3.2 sowie [Biber et al. 2002; Добровольский 2002; 2003а; 2003в; Добровольский и др. 2005; Dobrovol'skij 2005a].

⁸ Vgl. auch die Abschnitte 3.3.3.1 und 3.3.3.2, in denen die Ergebnisse von zwei Fallstudien besprochen werden, die auf empirischen Daten des Russian National Corpus (RNC-НКРЯ) basiert sind.

Folgende Cluster linguistisch relevanter Fragen erscheinen dabei als zentral, in dem Sinne, dass sie bei der Hinwendung zu parallelen Textkorpora besonders effizient beantwortet werden können.

1. Wie verhalten sich bestimmte Strukturen der Sprache L1 und ihre L2-Entsprechungen in authentischen Kontexten? Entspricht unser „systemimmanentes“ Wissen über diese Strukturen der diskursiven Realität? Wenn nicht, was sind die Gründe hierfür? Welche Typen von Kontexten sind für die Wahl eines adäquaten L2-Äquivalents relevant?

2. Wenn das betreffende Korpus Texte mit zeitlicher Distanz enthält (dies ist bei dem parallelen Korpus zu Dostoevskijs Roman „Der Idiot“ im Rahmen des AAC-Forschungsprogramms und bei den meisten russisch-deutschen Texten des Russian National Corpus НКРЯ der Fall), kann auch folgenden Fragen nachgegangen werden: Wie verhält sich der L1-Text zum heutigen Usus? Was hat sich hier verändert? Was sind die Ursachen? Gibt es reguläre Mechanismen, die diesen Sprachwechsel steuern? Wenn ja, können weitere Veränderungen sprachlicher Normen vorhergesagt werden? Dieser Fragenkomplex bezieht sich vor allem auf diachrone Prozesse in der Sprache L1 sowie generell auf das Wesen semantischer Veränderungen, was ihn auch für die allgemeine Sprachtheorie interessant macht. Der L2-Teil des Korpus spielt dabei die Rolle eines diagnostizierenden Instruments. Unterschiedliche L2-Äquivalente des gleichen L1-Wortes deuten darauf hin, dass die entsprechenden Kontexte relevante Unterschiede aufweisen, die u.a. auch auf Abweichungen von den gültigen usuellen Normen zurückzuführen sind.

3. Wenn das betreffende Korpus mehrere Übersetzungen des Originaltextes enthält (dies ist bei dem parallelen Korpus zu Dostoevskijs Roman „Der Idiot“ der Fall), können bestimmte translationslinguistische Fragestellungen angesprochen werden, die auch für kontrastive Linguistik und lexikalische Semantik innovative Ergebnisse bringen können; vgl. Fragen wie: Was machen die Übersetzer mit dem L1-Text? Wenn sie nicht originalgetreu übersetzen, woran liegt das? An ihrer subjektiven Entscheidung? Oder an objektiven Restriktionen der L2-Strukturen? Wenn die gleiche Stelle des L1-Texts unterschiedlich übersetzt wird, liegt eine annähernde Synonymie vor oder handelt es sich um unterschiedliche Interpretationen? Wenn es sich bei verschiedenen Übersetzungen der gleichen L1-Textstelle um quasisynonymische L2-Ausdrücke handelt, fragt sich, worin die betreffenden semantischen, pragmatischen und kombinatorischen Unterschiede bestehen.

Wenn z.B. der gleiche russische Intensivierer im gleichen Kontext von einem Übersetzer mit *sehr*, von einem anderen mit *äußerst* und wieder einem anderen mit *höchst* übersetzt wird, ist zu fragen, welche Unterschiede die entsprechenden L2-Kontexte aufweisen. Eine auf solchen Daten basierende Analyse liefert einen Beitrag zu einer detaillierten Beschreibung der lexikalischen Semantik der betreffenden L2-Strukturen.

Wenn es sich um unterschiedliche Interpretationen der gleichen L1-Textstelle handelt, die nicht mehr im Bereich der Quasisynonymie liegen, fragt sich, welcher Natur die betreffenden Abweichungen der Übersetzung vom Original sind. Inwieweit sind sie tolerierbar aus der Perspektive der Textrezeption?

4. Für Texte mit zeitlicher Distanz stellen sich weitere Fragen: Was machen die Übersetzer mit den L1-Strukturen, die dem heutigen Usus nicht mehr entsprechen? Welche Möglichkeiten gibt es in L2, um den „falschen“ (bzw. künstlerisch verfremdeten) Sprachgebrauch durch den Autor wiederzugeben?

In allen genannten Bereichen sind Ergebnisse zu erwarten, die bei der Anwendung anderer Forschungsmethoden kaum erzielt werden könnten und folglich bis zu einem gewissen Grad an das korpuslinguistische Herangehen gebunden sind. Im Folgenden konzentriere ich mich auf lexikalisch-semantische Fragestellungen. Als erstes erscheint es sinnvoll, den adäquaten Arbeitsablauf (d.h. die entsprechenden Arbeitsprozeduren in ihrer festgelegten Abfolge) bei der korpusbasierten semantischen Analyse lexikalischer Einheiten zu skizzieren.

3.2.2. Arbeitsprozeduren in der korpusbasierten lexikalischen Semantik. Eine korpusbasierte synchron orientierte Analyse semantischer Strukturen des Lexikons setzt im Idealfall folgende Schritte voraus:

1. Es werden Gruppen lexikalischer Einheiten selektiert, die gemeinsame semantische Züge aufweisen. Oft sind das Quasisynonyme.

2. Dann werden Textkorpora auf diese Wörter bzw. Wortverbindungen hin durchsucht. Das größte Problem, das sich dabei stellt, hängt mit der lexikalischen Polysemie zusammen: Da ein Wort in der Regel mehrere Bedeutungen hat, entsteht bei der Suche ein beträchtliches Informationsrauschen. Aus der Notwendigkeit, die betreffende lexikalische Einheit semantisch zu disambiguieren, d.h. das Target-Lexem von den „Mit-Lesarten“ zu separieren, erwächst das Bedürfnis, Textkorpora semantisch zu annotieren.

3. Relevante Kontexte werden analysiert, das kombinatorische Profil der Target-Lexeme wird bestimmt.

4. In der nächsten Phase werden Substitutionstests mit den Target-Lexemen durchgeführt („linguistisches Experiment“ im Sinne von Ščerba [Щерба 1974]). Auf diese Weise werden relevante Unterschiede im kombinatorischen Profil der Target-Lexeme einschließlich nichttrivialer kombinatorischer Restriktionen ermittelt. Oft wird die Substitution verschiedener Target-Lexeme in den gleichen Kontexten als akzeptabel empfunden, aber der Sinn der betreffenden Äußerung verschiebt sich.

5. Es wird nach plausiblen Erklärungen für die ermittelten Besonderheiten gesucht. Im Idealfall finden sich für alle kombinatorischen Spezifika semantische und/oder pragmatische Ursachen. Danach werden neue Bedeutungserklärungen formuliert. Oft können aber nicht alle Restriktionen in Kookkurrenzen auf die Bedeutung der Target-Lexeme zurückgeführt werden. In der Sprache gibt es immer viele ususbedingte Erscheinungen. In diesem Fall muss das kombinatorische Profil der Target-Lexeme explizit beschrieben werden.

Die Arbeit mit parallelen Textkorpora setzt grundsätzlich die gleichen Schritte voraus. Es kommt eine weitere Dimension hinzu, nämlich die kontrastive. Wenn z.B. in der Sprache L1 im Ergebnis einer korpusbasierten Untersuchung die in

Frage kommenden Quasisynonyme X, Y und Z ausdifferenziert und genau beschrieben wurden, kann im nächsten Arbeitsschritt das Gleiche mit der semantisch korrelierenden Reihe P, Q, R in L2 gemacht werden. Im letzten Arbeitsschritt werden die Target-Lexeme X, Y, Z und P, Q, R aufeinander bezogen. Dabei kommen 1:1-Zuordnungen vom Typ:

$$\begin{aligned} X &= P, \\ Y &= Q, \\ Z &= R \end{aligned}$$

äußerst selten vor. Der Normalfall ist, dass z.B. das Wort X je nach Kontext einmal mit P, einmal mit Q, dann wieder mit R in L2 übersetzt werden kann. Das bedeutet aber nicht, dass Zuordnungen vom Typ $X = (P, Q, R)$ — wie man sie oft in den Wörterbüchern findet — weiter geduldet werden. Das Ziel besteht vielmehr in einer kontextgebundenen Ausdifferenzierung der potentiellen L2-Äquivalente, d.h. in der Anbindung der kontrastiven semantischen Beschreibung an das kombinatorische Profil. Die Endbeschreibung sieht dann ungefähr so aus:

$$\begin{aligned} X &= P \text{ in Kontexten des Typs KT1;} \\ X &= Q \text{ in Kontexten des Typs KT2;} \\ X &= R \text{ in Kontexten des Typs KT3.} \end{aligned}$$

Auch die Untersuchungen in umgekehrter Richtung (d.h. $L2 \rightarrow L1$) lassen sich mit parallelen Korpora durchführen. Vgl. Fragestellungen wie:

Wie wird ein L2-Wort P in die Sprache L1 übersetzt? Meistens kommt man auch umgekehrt zu einem ähnlichen Ergebnis:

$$\begin{aligned} P &= X \text{ in Kontexten des Typs KT1;} \\ P &= Y \text{ in Kontexten des Typs KT2;} \\ P &= Z \text{ in Kontexten des Typs KT3.} \end{aligned}$$

Aus dieser Tatsache erklärt sich, warum zweisprachige Wörterbücher irreversibel sind, d.h. man kann mit Hilfe der entsprechenden Tools ein $L1 \rightarrow L2$ -Wörterbuch nicht in ein $L2 \rightarrow L1$ -Wörterbuch umdrehen. Es sei denn, dem Wörterbuch liegt eine Datenbank zugrunde, in der jedes Lexem (d.h. jedes Wort in jeder seiner Bedeutungen) als Einzeleintrag fixiert ist.

Eine diachron orientierte Analyse semantischer Strukturen des Lexikons geht grundsätzlich vom gleichen Arbeitsalgorithmus aus, wird aber um eine zusätzliche Dimension bereichert. Es handelt sich hier um dynamische Aspekte des lexikalischen Systems. Wenn dabei parallele Textkorpora mit zeitlicher Distanz als empirische Basis benutzt werden, werden die betreffenden Strukturen nicht nur interlingual ($L1$ vs. $L2$), sondern auch dynamisch (damals vs. heute) verglichen.

In den Abschnitten 3.4.2 und 3.4.3 werden diese Analyseprinzipien an ausgewählten Beispielen verdeutlicht. Zunächst sei auf die Aufgaben, Struktur und Zusammensetzung paralleler Textkorpora im Rahmen des Programms Russian National Corpus (RNC — НКРЯ) empirischer Daten kurz eingegangen.

3.3. Корпус параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка

3.3.1. Задачи и архитектура. Создание корпуса параллельных текстов в качестве одного из модулей Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — актуальная лингвистическая задача, над решением которой вот уже больше десяти лет работает целый коллектив исследователей. Такой корпус необходим в первую очередь потому, что надежные, подкрепленные эмпирическими данными ответы на большинство вопросов сопоставительной лингвистики, в том числе лексикологии и лексикографии, могут быть получены только при наличии значительных по объему и общедоступных параллельных корпусов.

Корпус параллельных текстов НКРЯ состоит в основном из множества художественных произведений с их переводами. В относительно небольшом объеме в корпус включены тексты СМИ. Корпус включает в себя, с одной стороны, оригинальные русские тексты с их переводом на другие языки, а с другой — иноязычные тексты с их переводом на русский. В дальнейшем мы будем говорить исключительно о русско-немецких и немецко-русских частях корпуса.

Корпус параллельных текстов постоянно расширяется как за счет произведений других авторов и жанров, так и за счет других языков перевода. Выбор включенных в корпус текстов мотивирован в первую очередь их высоким литературным качеством, а также наличием переводов на другие языки.

Тексты параллельного корпуса выровнены по методике, описанной ниже⁹. В данный момент различные тексты находятся в разной степени готовности. Значительная часть корпуса доступна для поиска в режиме online. Постоянно идет работа по поиску, выравниванию и редактированию новых текстов.

Корпус параллельных текстов обеспечен программой **ПарТекс** (идея А. А. Кретьова, руководство И. Е. Ворониной, программирование Д. Спесивцева), имеющей на входе два параллельных текста (оригинал и перевод). Выравнивание осуществляется на уровне предложений. Программа выдает на выходе синтезированный текст, в котором последовательно за каждым предложением оригинала следует соответствующее предложение перевода. В таком синтезированном тексте поиск интересующих пользователя слов может осуществляться средствами обычных текстовых редакторов. На выход при поиске подается текстовый файл, в который входят все пары предложений оригинала и перевода, содержащие заданную последовательность символов. Каждый контекст может быть расширен до нескольких (как правило, шести) сопоставленных предложений. Возможен

⁹ Подробнее об этом см. [Добровольский и др. 2005].

поиск как русских, так и иноязычных (в нашем случае — немецких) слов или словосочетаний.

Одна из наиболее существенных трудностей выравнивания заключается в том, что авторское членение текста на предложения и абзацы не всегда выдерживается в тексте перевода. Кроме того, в разных языках (а иногда и разных изданиях) приняты различные способы графического оформления, что иногда затрудняет определение границ предложения в автоматическом режиме. Ср., например, различные способы оформления переходов от прямой речи персонажей к авторским ремаркам. В таких случаях результаты автоматического выравнивания нуждаются в коррекции, осуществляемой вручную. Программа позволяет обнаружить асимметрию в параллельных текстах.

Алгоритм обнаружения асимметрии прост: количество глав оригинала сравнивается с количеством глав перевода, и в случае неравенства выдается сообщение об асимметрии. В случае равенства числа глав осуществляется переход на следующий уровень членения текста. В каждой из глав, начиная с первой, сравнивается количество абзацев. После выравнивания по абзацам осуществляется переход к выравниванию по предложениям. Сравнивается количество предложений в первом абзаце оригинала с количеством предложений в первом абзаце перевода, при несовпадении выдается сообщение об асимметрии, при совпадении количества предложений в первом абзаце оригинала и перевода осуществляется переход к анализу второго абзаца.

Принципиально возможны и другие способы выравнивания параллельных корпусов. Ср. способ выравнивания, используемый в корпусном проекте Австрийской академии наук в Вене — AAC-Austrian Academy Corpus (подробнее см. [Biber et al. 2002; Добровольский 2003a]). Подлежащие выравниванию тексты предварительно разбивались на предложения по определенным принципам, единым для оригинала и переводов. Такое членение текста предполагает тщательное постредактирование результатов автоматической разбивки, позволяющее ориентироваться на определенные синтаксические структуры, а не на употребление знаков препинания: точки, вопросительного и восклицательного знака. Подобная предварительная обработка текстов, подлежащих выравниванию, существенно повышает качество конечных результатов, получаемых с помощью специальных программ выравнивания в полуавтоматическом режиме.

Поиск по лемме является наиболее простым способом поиска, который позволяет найти все формы одного слова. Возможен поиск различных морфологических форм слова. В этом случае в поисковую строку вводится неизменяемая часть слова с астериском. Например, запись *замечательн** означает, что будут найдены как все падежные формы прилагательного *замечательный*, так и наречие *замечательно*. Морфологические признаки представлены в виде строки символов, поэтому для их поиска требуется использовать регулярные выражения и полный язык запросов Corpus

WorkBench, в котором указываются поле запроса и ограничение на его значение.

В результате создатели двуязычных словарей, переводчики, все лингвисты, работающие с параллельными текстами, получают весьма простой и эффективный инструмент сбора материала. Ценность этого инструмента определяется тем, что в лингвистике этап сбора материала является наиболее трудоемким и наименее творческим, а подобные корпуса параллельных текстов позволяют значительно сэкономить время и силы для творческого этапа работы.

3.3.2. Состав немецко-русского и русско-немецкого корпуса в НКРЯ. На данный момент в состав доступного online немецко-русского корпуса (наряду с небольшим массивом публицистических текстов) входят следующие произведения¹⁰:

- Heinrich Böll (Г. Бёлль):
Ansichten eines Clowns — Глазами клоуна;
- Gottfried August Bürger (Г. А. Бюргер):
Die Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen — Приключения барона Мюнхгаузена;
- Friedrich Dürrenmatt (Ф. Дюрренматт):
Justiz — Правосудие;
Der Verdacht — Подозрение;
- Josef von Eichendorff (И. фон Эйхендорф):
Aus dem Leben eines Taugenichts — Из жизни одного бездельника;
- Michael Andreas Hellmuth Ende (М. А. Х. Энде):
Momo oder Die Geschichte von den Zeit-Dieben — Момо или История об украденном времени;
- Johann Wolfgang Goethe (И. В. Гёте):
Die Leiden des jungen Werther — Страдания юного Вертера;
- Hermann Hesse (Г. Гессе):
Siddhartha — Сиддхарта;
Peter Camenzind — Петер Каменцинд;
- Ernst Theodor Amadeus Hoffmann (Э. Т. А. Гофман):
Der goldne Topf — Золотой горшок;
Klein Zaches, genannt Zinnober — Крошка Цахес по прозвищу Циннобер;
Nußknacker und Mausekönig — Щелкунчик и Мышиный Король;
- Franz Kafka (Ф. Кафка):
Der Prozess — Процесс;
Die Verwandlung — Превращение;

¹⁰ Здесь и в дальнейшем сохраняется орфография оригинального издания, вошедшего в корпус.

- Erich Kästner (Э. Кестнер):
Pünktchen und Anton — Кнопка и Антон;
Emil und die Detektive — Эмиль и детективы;
- Heinrich von Kleist (Г. фон Клейст):
Michael Kohlhaas — Михаэль Кольхаас;
- Thomas Mann (Т. Манн):
Der Zauberberg — Волшебная гора;
Buddenbrooks — Будденброки
- Gustav Meyrink (Г. Майринк):
Der Golem — Голем;
- Novalis (Новалис):
Heinrich von Ofterdingen — Гейнрих фон Офтердинген;
- Erich Maria Remarque (Э.-М. Ремарк):
Der schwarze Obelisk — Черный обелиск;
- Arthur Schnitzler (А. Шницлер):
Casanovas Heimfahrt — Возвращение Казановы;
Die Frau des Weisen — Жена мудреца;
- Patrick Süskind (П. Зюскинд):
Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders — Парфюмер.

В стадии подготовки находится роман Теодора Фонтане «Эффи Брист» (Theodor Fontane — Effi Briest).

Работа над русско-немецким корпусом была начата относительно недавно. Пока он существенно уступает по объему. Сейчас в открытом доступе находятся лишь пять публицистических текстов, повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» с сайта Gutenberg-DE предположительно в переводе Ф. Фриш (Fega Frisch)¹¹ и роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь». В ближайшее время корпус будет дополнен следующими произведениями русской классической литературы:

- Н. В. Гоголь:
Шинель — Der Mantel;
Мертвые души — Die Toten Seelen;
- Ф. М. Достоевский:
Идиот — Der Idiot;
Преступление и наказание — Verbrechen und Strafe;
- М. Ю. Лермонтов:
Герой нашего времени — Ein Held unserer Zeit;
- А. С. Пушкин:
Повести покойного Ивана Петровича Белкина — Die Erzählungen des verstorbenen Iwan Petrowitsch Belkin;

¹¹ Этот параллельный текст был любезно предоставлен проекту НКРЯ А. Барентсеном.

- Пиковая Дама — Pique Dame;
 Дубровский — Dubrowskij;
 Капитанская дочка — Die Hauptmannstochter (в переводе Фреда Отто — Fred Ottow);
 — Л. Н. Толстой:
 Война и мир — Krieg und Frieden;
 — И. С. Тургенев:
 Отцы и дети — Väter und Söhne.

В следующих разделах мы на отдельных примерах попробуем показать возможности использования корпуса для сопоставительного описания лексики.

3.3.3. Параллельные тексты НКРЯ в сопоставительном описании лексики.

Понятно, что корпуса параллельных текстов могут использоваться с самыми разными целями. Наиболее интересные результаты могут быть, очевидно, получены в теории перевода и в различных разделах сопоставительного языкознания¹². Причем из всех возможных сопоставительных задач — по крайней мере на данной стадии разработки корпуса — предпочтение отдается задачам контрастивно-лексикологическим, поскольку для поиска конкретных словоформ и словосочетаний в корпусе не требуется усложненного синтаксического аннотирования.

В этом разделе обсуждаются возможности использования корпусов параллельных немецко-русских и русско-немецких текстов, входящих в состав НКРЯ, для сопоставительного описания лексем определенных семантических классов.

3.3.3.1. Немецкое *nein* и русское *нет*. Корпусное исследование лексических единиц разных языков, традиционно считавшихся эквивалентными, часто позволяет выявить ряд нетривиальных семантических различий. Так, в [Добровольский, Левонтина 2009а; 2009б; Dobrovol'skij, Levontina 2012] было показано, что у русского слова *нет* есть специфические значения, которые отсутствуют у немецкого слова *nein*. Причем имеются в виду не общеизвестные случаи, когда русскому *нет* соответствует немецкое *doch*, а не *nein*, то есть случаи ответа на вопрос, содержащий отрицание, или реакции на реплику с отрицанием. Ср.:

- *Ich habe gehört, ihr wart gar nicht weg?* — **Doch.**
- *Я слышал, вы и не уезжали никуда?* — **Нет, уезжали.**
- *Das stimmt nicht!* — **Doch.**
- *Это неправильно!* — **Нет, правильно.**

¹² Ср. [Андреева 2006; Добровольский 2004а; Михайлов 2005; Bowker 2000; Váradí, Kiss 2001].

Случаи, которые нас интересуют, не столь самоочевидны. Речь идет о примерах употребления типа:

- *Вы опоздали. И юбка у вас слишком коротка. — Нем, а юбка-то здесь причем?*
- *Sie kommen zu spät! Und Ihr Rock ist definitiv zu kurz. — *Nein, was hat denn mein Rock damit zu tun?*

Замечание. Если вернуться к известному противопоставлению *нет* vs. *nein* и *doch*, следует заметить, что оно относится к значимым параметрам сопоставления языков, нетривиальным с точки зрения семантической типологии. В работе [Pore 1976: 118 ff.] подробно обсуждается система ДА-/НЕТ-реакций на стимулы с отрицанием и без отрицания в разных языках. В принципе, выбор мотивируется двумя параметрами: «положительное vs. отрицательное утверждение» и «согласие vs. несогласие». Возможны четыре комбинации этих признаков. Но языков, в которых существовало бы четыре разных слова для выражения этих смыслов, крайне мало. К ним, например, относится английский язык XVI века.

В русском языке для выражения положительного vs. отрицательного согласия-несогласия есть только два слова: *да* и *нет*. Причем *да* употребляется только в случае «положительного согласия» (i), а во всех остальных случаях — *нет*. Ср.:

- (i) — *Будешь?* — *Да, буду*; (ii) — *Будешь?* — *Нет, не буду*; (iii) — *Не будешь?* — *Нет, буду*; (iv) — *Не будешь?* — *Нет, не буду*.

Строго говоря, выбор *да* и *нет* в русском языке зависит не только от стимула (в частности, от того, содержит ли предшествующий вопрос отрицание или нет), но и от ситуации и контекстных условий. В реальной коммуникации в случаях типа (iii) и (iv) встречается и *да*. Е. А. Гришина [2011: 173] указывает на то, что «в живой устной речи не так уж много явлений, которые запрещены бескомпромиссно». Кроме того, из-за полифункциональности русского *нет* реакция типа (iii) и (iv) содержит повтор релевантного элемента стимула. Одиночное *нет* встречается в таких случаях крайне редко.

В немецком языке (так же, как в скандинавских и во французском) на четыре принципиально возможные реакции приходится три слова. Соответственно один из трех случаев, в которых в русском употребляется *нет*, требует не *nein*, а именно этого «третьего» слова — *doch*. Это тип реакции (iv).

Обращение к параллельным корпусам показало, что, помимо корреляции *нет* — *doch*, существует целый ряд типов контекстов, в которых русскому *нет* в немецком языке соответствует не *nein*, а какое-либо другое выражение. Так, приимперативное *нет* более типично для русского языка; ср. (1) и (2).

- (1) „Ich muß schon gehen“. „Halt, warte!“ (Th. Mann. Der Zauberberg)
 — Мне пора. — *Нет, подожди, стой!*
- (2) „Das kann mich nicht beruhigen!“ rief der Onkel, „Josef, lieber Josef, denke an dich, an deine Verwandten, an unsern guten Namen!“ (F. Kafka. Der Prozess)
 — *Нет, ты меня не успокаивай!* — кричал дядя, — Йозеф, милый Йозеф, подумай же о себе, о твоих родных, о нашем добром имени!

В примере (1) из «Волшебной горы» Томаса Манна (пер.: В. Станевич) при императиве *warte!* вводящая реплика частица *nein*¹³ в немецком оригинале отсутствует. Ее добавление в русском переводе делает реплику более естественной. Ср. явно менее узуально приемлемый диалог: — *Мне пора. — Подожди, стой!* В принципе, вместо оригинальной фразы *Halt, warte!*, можно было сказать что-то вроде *Warte mal* или *Warte doch*. А дословно соответствующий русской реплике вариант *Nein, warte!* представляется, скорее, неудачным. В примере (2) из «Процесса» Кафки текст оригинала не содержит императива. Но коль скоро переводчик — а это признанный мастер Рита Райт-Ковалева — выбрал в этом случае форму императива, причем (что в подобных случаях немаловажно) императива с отрицанием, употребление вводящей реплику частицы *нет* становится явно предпочтительным. А в случаях повторного побуждения употребление *нет* становится почти обязательным. Ср. контекст (3).

- (3) „Kommen Sie mit!“, sagte K., „zeigen Sie mir den Weg, ich werde ihn verfehlen, es sind hier so viele Wege“. „Es ist der einzige Weg“, sagte der Gerichtsdienner nun schon vorwurfsvoll, „ich kann nicht wieder mit Ihnen zurückgehen, ich muß doch meine Meldung vorbringen und habe schon viel Zeit durch Sie versäumt“. „Kommen Sie mit!“ wiederholte K. jetzt schärfer, als habe er endlich den Gerichtsdienner auf einer Unwahrheit ertappt (F. Kafka. Der Prozess).
 — Пойдемте со мной, — сказал К, — покажите мне дорогу, не то я запутаюсь, здесь столько входов и выходов. — Нет, это единственный выход, — уже с упреком сказал служитель, — а вернуться с вами я не могу, мне еще надо передать поручение, я и так потерял с вами уйму времени. — Нет, пойдемте! — уже резче сказал К, словно наконец уличил служителя во лжи.

Вообще, повторное побуждение в русском языке маркируется практически обязательно, хотя и не всегда с помощью частицы *нет*. Часто такими маркерами выступают частицы *ну, да, же* и др.; см. [Левонтина 1999]. В контексте (3) мы имеем дело с эксплицитным отказом. После полученного отказа говорящий повторяет свое требование, не желая признавать права

¹³ Мы исходим из того, что в подобных употреблениях *nein* является частицей, а не эквивалентом предложения.

адресата на отказ. Именно в таких случаях повторное требование начинается с *нет*, что вряд ли допустимо в немецком языке. Ср. анализ этого и подобных примеров в [Добровольский, Левонтина 2009б]. Приведем еще несколько примеров из параллельного немецко-русского корпуса, в которых реплики перевода содержат частицу *нет*, при том что в немецком оригинале ее стандартный коррелят *nein* отсутствует.

- (4) „Nur neugierig, Spät“, wich der Kommandant aus (F. Dürrenmatt. Justiz).
— *Нет-нет*, всего лишь проявляю любопытство, — уклончиво отвечал начальник;
- (5) „Nur ein paar Messerspitzen voll natürlich“ (E. Kästner. Pünktchen und Anton).
— *Нет*, только щепотку-другую;
- (6) „Sie war unter die Decke gekrochen!“ sagte Joachim. „Stelle dir meine Empfindungen vor!“ (Th. Mann. Der Zauberberg).
— Она заползла под одеяло! — сказал Иоахим. — *Нет*, ты представь, что я испытывал!;
- (7) Es ist etwas Bedenkliches um die Musik, meine Herren (Th. Mann. Der Zauberberg).
Нет, господа, в музыке есть что-то подозрительное;
- (8) Und für wen führe ich diesen schweren Kampf? Für — es ist fast lächerlich, es auszusprechen — für Block (F. Kafka. Der Prozess).
Вот ради кого я веду эту трудную борьбу! Ради — *нет*, просто смешно сказать — ради Блока!;
- (9) Schon auf der Treppe wollten sich die Herren in K. einhängen, aber K. sagte: „Erst auf der Gasse, ich bin nicht krank“ (F. Kafka. Der Prozess).
Оба господина хотели взять К. под руки уже на лестнице, но он сказал: — *Нет*, возьмете на улице, я же не больной!;
- (10) Es war unbedingt nötig, daß K. selbst eingriff (F. Kafka. Der Prozess).
Нет, К. непременно должен был сам вмешаться.

Во всех этих примерах русское *нет* взаимодействует не с пропозицией, а с представлениями говорящего о тех или иных свойствах ситуации в целом. Иными словами, *нет* выражает «реакцию на невысказанное»¹⁴. Сходный пример — в связи с другими языковыми особенностями — приводит в своем учебнике по русской грамматике А. Тимберлейк: — *Что мы тогда пели?*

¹⁴ О связях «между высказанным и подразумеваемым» см., в частности, [Кобозева 1991: 155].

Нет, это вспомнить невозможно [Timberlake 2004: 465]. За «невьсказанным» могут скрываться разные аспекты ситуации. Это могут быть предполагаемые установки собеседника (как в (6) и (7)), собственные мысли (как в (8)) или невербальные действия других людей (9). Особенно интересен пример (10). Являясь в принципе диалогической единицей, *нет* вводится здесь в несобственно прямую речь. Только благодаря этому *нет* мы вообще понимаем, что перед нами свободный косвенный дискурс. В работах Е. В. Падучевой (ср. в первую очередь [1996: 303 и сл.]) такие единицы называются первичными (или жесткими) эгоцентриками.

Далее, *нет* довольно часто используется для удвоения отрицания. В немецком языке *nein* для таких контекстов нетипично. Ср. следующие примеры из НКРЯ.

(11) Selbst dort zu arbeiten und zu unterhandeln, hat sich wenigstens für mich als ganz unmöglich erwiesen (F. Kafka. Der Prozess).

Действовать там самому, самому вести переговоры — *нет*, мне это оказалось совершенно не под силу;

(12) „Das Warten ist nicht nutzlos“, sagte der Kaufmann, „nutzlos ist nur das selbständige Eingreifen“ (F. Kafka. Der Prozess).

— *Нет*, ожидание небесполезно, — сказал коммерсант, — бесполезны только попытки самому вмешаться;

(13) „Mit dieser Meinung stimme ich nicht überein“, sagte K. kopfschüttelnd, „denn wenn man sich ihr anschließt, muß man alles, was der Türhüter sagt, für wahr halten“ (F. Kafka. Der Prozess).

— *Нет*, с этим мнением я никак не согласен, — сказал К и покачал головой, — если так думать, значит, надо принимать за правду все, что говорит привратник;

(14) Soll man mir nachsagen dürfen, daß ich am Anfang des Prozesses ihn beenden wollte und jetzt, an seinem Ende, ihn wieder beginnen will? Ich will nicht, daß man das sagt (F. Kafka. Der Prozess).

Неужто про меня потом скажут, что в начале процесса я стремился его окончить, а теперь, в конце, — начать сначала? *Нет*, не желаю, чтобы так говорили!

Особенно экзотичны те примеры, в которых немецкому *ja* соответствует русское *нет*. Причем такие контексты встречаются и в немецко-русском (15), и в русско-немецком корпусе (16).

(15) „Ja, es ist brillant, dass du gekommen bist“, sagte er, und seine gemächliche Stimme war bewegt! (Th. Mann. Der Zauberberg).

— Нет, это чудесно, что ты приехал, — заявил он, и в его обычно спокойном голосе прозвучало тайное волнение;

- (16) Нет, Рогожин на себя клеветает; у него огромное сердце, которое может и страдать и сострадать (Ф. М. Достоевский. Идиот).
Ja, Rogoschin verleumdet sich selbst; er hat ein großes Herz, das zu leiden und mitzuleiden vermag (пер. на нем.: Geier)¹⁵.

Это делает очевидным, что функция *нет* в качестве дискурсивной частицы связана не столько с идеей отрицания, сколько с выражением отношения говорящего к тем или иным аспектам ситуации. В данных контекстах основная функция *нет* — усиление высказывания, подчеркивание важности сообщения, которое вводит эта частица. В немецком языке аналогичную функцию часто выполняет частица *ja*. Часто немецкими функциональными эквивалентами частицы *нет* оказываются союзы и союзные наречия *aber, doch, sondern*; ср. (17).

- (17) a. Das ist aber keine bloß äußerliche, sondern eine wirkliche, bindende Bürgschaft (F. Kafka. Der Prozess).
И это не какое-нибудь пустяковое, формальное поручительство, нет, это поручительство настоящее, ко всему обязывающее.
б. Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью (Н. В. Гоголь. Шинель).
Akaki Akakiewitsch diente mit Eifer, doch das ist noch nicht das Wort: er diente mit Liebe.

Параллельно выясняется еще одна особенность немецкого словоупотребления. Слово *bitte*, произнесенное с определенной интонацией (в особенности в сочетании с междометием типа *oh*), может означать несогласие и в этих случаях оказываться эквивалентным русскому *нет* в своей основной функции эквивалента предложения; ср. (18).

- (18) „Aber ich nehme das nicht übel, Sie konnten ja nicht wissen, daß das bei mir unangebracht ist“. „Oh, bitte!“ sagte er scharf abwehrend, als K. etwas einwenden wollte (F. Kafka. Der Prozess).
— Да я на вас не в обиде, вы же не могли знать, что меня этим не проведешь. — *Нет, нет*, не надо! — резко сказал он, когда К. хотел что-то возразить.

Анализ этих и подобных примеров¹⁶ позволил сделать вывод, что русское *нет* может быть связано как с диктумом, так и с модусом высказыва-

¹⁵ Этот пример взят из параллельного корпуса Австрийской академии наук.

¹⁶ Ср. [Dobrovolskij, Levontina 2012].

ния, в то время как немецкое *nein* в целом более тесно связано с диктумом, с пропозицией.

Другой тип контекстов, в которых русскому *нет* в немецком языке соответствуют другие выражения, — это конструкции различных типов. Покажем это на примерах. Так, русскому *да нет* в немецком часто соответствует *nein, nein* (19), а русскому *ну нет* — как *bloß nicht*, так и *nein, nein* (20).

(19) „*Nein, nein, das muß Haut und Fleisch sein, was im Innern wächst* (E. Kästner. Pünktchen und Anton).

— *Да нет*, это что-то из мяса и кожи;

(20) а. „*Bloß nicht!*“ rief er (E. Kästner. Pünktchen und Anton).

— *Ну нет!* — воскликнул он, — только не это!

б. *Ну нет* <...> теперь с Петровичем нельзя толковать <...> (Н. В. Гоголь. Шинель).

Nein, nein, heute kann niemand mit Petrowitsch reden.

В высокой степени идиоматична русская конструкция [*нет-нет да и V*] с ее вариантами [*нет-нет да V*], [*нет-нет и V*]. Ее немецкими аналогами оказываются самые разнообразные наречия и адverbиальные фраземы в сочетании с соответствующим глаголом. Ср.: *manchmal* (21), *hie und da* (22), *zwischen* (23), *bisweilen* (24).

(21) Kein Und, kein Bindewörtchen darf außenbleiben, und von allen Inversionen, die mir *manchmal* entfahren, ist er ein Todfeind; wenn man seinen Period nicht nach der hergebrachten Melodie heraborgelt, so versteht er gar nichts drin (J. W. Goethe. Die Leiden des jungen Werther).

Ни одного «и», ни одного союза он тебе не уступит и яро ополчается против инверсий, которые *нет-нет да* проскользнут у меня. Фразу ему надо строить на строго определенный лад, иначе он ничего не поймет;

(22) Ihre Augen, die sie in dem Bewußtsein, den beobachtenden Blicken der ganzen Stadt ausgesetzt zu sein, meistens gesenkt hielt, konnten es sich *hie und da* nicht versagen, über die Menge hinzuschweifen, in der sie auch Julchen Möllendorpf, geborene Hagenström, und ihren Gatten gewahrte... (Th. Mann. Buddenbrooks).

Глаза г-жи Перманедер, хоть она и потупляла их, в сознании, что взгляды «всего города» устремлены на нее, *нет-нет и* обегали толпу, в которой она среди прочих заметила Юльхен Меллендорф, урожденную Хагенштрем, с супругом...;

(23) Gleichzeitig aber vergaß er nicht, sich *zwischen* daran zu erinnern, daß viel besser als verzweifelte Entschlüsse ruhige und ruhigste Überlegung sei (F. Kafka. Die Verwandlung).